

В.И. Яковенко

Огюст Конт

**Его жизнь и философская
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В.И. Яковенко**
Огюст Конт: Его жизнь и философская деятельность / В.И. Яковенко – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 84 с.

ISBN 978-5-4241-2470-9

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2470-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.И. Яковенко, 2021

Валентин Яковенко
Огюст Конт. Его жизнь и
философская деятельность

*Биографический очерк В. И. Яковенко
С портретом Конта, гравирован-
ным в Лейпциге Геданом*

Введение

Великая французская революция завершила критическую работу передовых мыслителей XVIII века. Будучи выражением по преимуществу критики, она оказалась непреодолимой силой. Правда, одновременно были провозглашены и права человека, которые предполагалось положить в основание предстоявшей созидающей работы. Но права хороши как орудие борьбы – как боевой клич; построить же на них прочное социальное здание, удовлетворяющее лучшим человеческим требованиям, невозможно. Права, одни только права, всегда вели и неизбежно ведут к развитию индивидуализма, а индивидуализм при низком нравственном уровне неизбежно вырождается в эгоизм. Для того чтобы созидать, люди должны наряду с правами признавать и *обязанности*. Мало того – тот только в состоянии осуществлять свои права в должной мере и отстаивать их надлежащим образом, кто сознает свои обязанности и умеет выполнять их. Это – неопровергимая истина, подтвержденная наблюдениями. Однако нет ничего удивительного, что мыслители, наложившие отпечаток своего гения на весь XVIII век, не обратили должного внимания на обязанности человека, не разработали тех *положительных* начал, которые должны быть заложены в основу нового общественного порядка. *Обязанности?* Но разве не вечным напоминанием именно об обязанностях представители старого порядка гипнотизировали людей и превращали их в панургово стадо? *Положительные начала?* Но разве не эти именно положительные начала держали народные массы на протяжении целых веков в состоянии рабства, невежества, нищеты и так далее? Не надо нам ваших обязанностей и ваших положительных начал! Пусть человеку будет возвращена его естественная свобода и его естественные права – и он устроится наилучшим образом. Так неизбежно должны были думать мыслители, а за ними – и руководители общественного переворота XVIII века. Но когда переворот совершился, когда пришлось приступить к организационной работе в широком смысле, тут-то и обнаружилась односторонность этих, в сущности отрицательных, учений. Дело общественного преобразования не может ограничиться разрушением. Когда отрицательные теории окажут свое действие, на смену им должны явиться положительные учения – уже потому, что, руководствуясь только отрицательными теориями, невозможно строить. И действительно – не говоря уже о старых положительных учениях, мы видим, что в первой половине XIX века выступает целый ряд мыслителей с положительными проектами социального преобразования человечества. Так, укажем на Сен-Симона, Фурье, Кабе, Огюста Конта; все они родились в конце XVIII века, и каждый из них представил свой проект реорганизации человечества, каждый из них горячо проповедовал свою *утопию*. Как, скажет, пожалуй, иной читатель, – известный позитивист Огюст Конт проповедовал какую-то социальную утопию? Да. Мало того, он не только проповедовал социальную реорганизацию общества, но даже написал свой знаменитый «Курс положительной (позитивной) философии» в интересах такой пропаганды. Философия как философия, наука как наука его мало интересовали. Обладая громадным умом, он без сомнения занял бы одно из самых выдающихся мест в ученом мире, если бы посвятил свои силы специальной науке. Но ум его с юности до последних дней был прикован к делам человеческим. Царившая в

сфере мысли анархия (беззначалие), как результат предыдущего развития, произвела на него потрясающее впечатление. Юношей он объявляет ей борьбу, в зрелом возрасте пишет два главных сочинения, которые должны служить опорой в этой борьбе, и с приближением старости берется за практическое осуществление своего положительного учения. Поистине о его жизни можно сказать словами Альфреда де Виньи: «Мечта юности, осуществленная в зрелом возрасте». Мы можем находить мечту юности здравой и разумной, а способ осуществления ее в старости неправильным, даже нелепым; но это не дает нам права отрицать полное единство жизни человека, не дает права насильственно разделять его на две части и одну сажать на философский трон, а другую отправлять в сумасшедший дом. Между тем, это проделывают с Контом. Я не погрешу против истины, если скажу, что такое необоснованное и несправедливое отношение к нему объясняется в большинстве случаев нерешительностью, половинчатостью или двоедушием его критиков. В переходные периоды истории, когда старый строй разлагается, а новый только рождается, многие даже из числа выдающихся умов не могут на самом деле отрешиться от старой культуры, хотя и осуждают ее основы. Для таких людей Конт как личность и его учение как целое всегда будут казаться исполненными противоречия. Они не прочь признать все то, что подрывает разрушающийся строй; но они не могут разделить стремление выйти на новый путь. Совершенно иначе отнесется к Конту последовательный приверженец старого или нового строя жизни, старых или новых учений. Будучи сам цельным человеком, он увидит цельность и единство в учении и жизни великого французского позитивиста. Само собой, это нисколько не обязывает его ни всецело соглашаться, ни всецело отвергать рассматриваемое учение. Одно дело понять внутреннюю связь известного ряда мыслей и то, как они развивались в голове человека и к чему они обязывали его, и другое – оценить эти мысли, отделить зерна от плевел. Вторая задача, замечу здесь кстати, не может составлять предмета этой биографии. Что же касается первой, то я надеюсь показать, что Огюст Конт как личность представлял замечательно цельного человека, и что через все его учение проходят одни и те же основные мысли. Затем, чтобы правильно понять учение и личность Канта, необходимо переместить самый центр тяжести нашего изучения. Пока мы будем рассматривать его как философа по преимуществу, пусть даже позитивного, до тех пор мы не гарантированы от грубых заблуждений. Только став на социальную точку зрения и рассматривая Канта как социального реформатора, мы в состоянии будем охватить одним взглядом всю его жизнь и все его учение и понять то *единство*, которое, напрекор всем ходячим мнениям о нем, характеризовало этого необычайного человека. Так мы и поступим.

Глава I. Ученичество

Семья. – Мать. – В лицее. – Политехническая школа. – Чтение. – Серьезность не по летам. – История в Политехникуме. – Исключение и высылка на родину. – Возвращение в Париж. – Поиски работы. – Умственные занятия. – Знакомство с Сен-Симоном. – Учение Сен-Симона. – Влияние Сен-Симона на Конта. – Юношеские произведения Конта. – Раздор с Сен-Симоном. – Содержание статьи «План научных трудов» и других. – Связь юношеских произведений Конта с последующими. – Предшественники Конта.

Огюст Конт (Огюст-Исидор-Мария-Франсуа-Ксавье Конт) родился в 1798 году в Монпелье (Montpellier), где отец его, Огюст-Луи Конт, служил сборщиком податей. Семья, вскормившая великого позитивиста, была заурядной чиновничей семьей – ни богатой, ни бедной. В силу множества предрассудков, она не могла ни возбудить дух пытливости в ребенке, ни внушить ему стремлений и правил поведения, сколько-нибудь расходящихся с общественной рутиной. Несмотря на вихрь революции, потрясший всю Францию, эта чиновническая чета не чувствовала никакой потребности в обновлении. Напротив, старые боги для нее стали, вероятно, еще милее. По крайней мере, мать Конта, по его же собственному свидетельству, была чрезвычайно набожная и преданная католичка. Была ли она действительно религиозна – трудно сказать: в ту пору таких людей называли религиозными. Католическое рвение матери находилось, конечно, в прямом противоречии с теми новыми стремлениями, которые скоро обнаружились у юноши Конта, а затем и с тем новым учением, которое он стал проповедовать. Таким образом, при известной неуступчивости и строптивости обеих сторон разрыв был неизбежен; при этом как матери, так и сыну пришлось немало страдать от этих несогласий, как мы увидим ниже. Но впоследствии, когда Конт был увлечен культом женщины и когда католическая нетерпимость казалась ему синонимом глубокой веры, он вполне примирился в своих мыслях и в сердце с матерью и считал ее одним из трех своих ангелов-хранителей. К этому времени относятся следующие его слова в «Исповедях»: «Нравственные задатки перешли ко мне от моей нежной и пламенной матери. Она всю жизнь свою не знала тех высоких наслаждений сердца, которых вполне заслуживала... Я виноват перед моей бедной Розалиею (так звали его мать), лишая ее сыновних объятий в течение двадцати двух лет». Очень возможно, что свой не терпящий противоречий, неуступчивый и вместе с тем до болезненности чувствительный и самолюбивый нрав Конт действительно унаследовал от матери. Те чувства, которые у матери нашли исход в католическом рвении, у сына вылились в позитивистском поклонении перед его святой Клотильдой.

Девяты лет Огюст отдан был в лицей в Монпелье интерном. Из католико-роялистской атмосферы родной семьи он попал совсем в другую среду. Любопытно, что уже в этой школе мальчик обнаружил некоторые особенности своего нравственного склада. Он питал отвращение ко всякому *внешнему* авторитету и регламенту и подчинялся лишь *умственному и нравственному* превосходству. Эту особенность Конт сохранил до конца дней своих и ее, можно сказать, положил в основание всей своей социальной схемы. Когда мальчику приходилось иметь дело с директором или наставниками, вообще с представителями внешней

школьной дисциплины, то он оказывался непокорным, пускался в рассуждения, – что называется у нас, задирал. С учителями же своими он был, напротив, совсем другой: относился к ним с почтением и великим послушанием. Естественно, что первые преследовали его всячески и наказывали, а вторые отстаивали и защищали. При этом Огюст был трудолюбив, понятлив и относительно своих познаний всегда оправдывал ожидания учителей. Слабый и болезненный на вид, он держался в стороне от школьных игр; тем не менее, товарищи любили его; он всегда готов был выручить товарища: подсказать, помочь и так далее.

Из учителей Конта следует отметить одну далеко не дюжинную личность – пастора Анконтра, преподававшего математику в лицее. Обладая обширными философскими познаниями и редкими нравственными качествами, он оказал громадное влияние на Огюста. Он не только внушил ему критическое отношение к католическим и роялистским симпатиям родной семьи, но и зажег в нем, как утверждает биограф Робине, пламя гения, которое с тех пор не потухало. Конт относился к нему с большим почтением и посвятил ему одно из своих последних произведений («Субъективный синтез»). Пятнадцать лет Огюст окончил лицей. Теперь ему предстояла прямая дорога в Политехническую школу, где могли получить надлежащее развитие его математические способности. Но туда принимали юношей не моложе шестнадцати лет. Следовательно, Конту нужно было обождать еще год. Он остался при лицее и помогал одному часто болевшему учителю преподавать математику. Этую новую обязанность он исполнял блистательно под надзором самых строгих критиков. В 1814 году он держал поверочный экзамен и, выдержав одним из первых, поступил в Политехническую школу в Париже. Школа эта играла очень большую роль во всей жизни Конта. Скажем о ней несколько слов.

Парижский Политехникум – одна из самых популярных школ во Франции. Этим она обязана, во-первых, своему универсальному характеру, будучи гражданской и военной школой; во-вторых – большому числу замечательных людей, вышедших из нее, и в-третьих – своим прогрессивным традициям. Детище Великой французской революции, она сохраняла ее дух. Под именем Центральной школы общественных работ она была учреждена Конвентом в 1794 году для образования инженеров всякого рода, в которых чувствовался недостаток в эпоху революции и вызванных ею войн. Выработка программ была поручена известному математику Монжу, и хотя школа с течением времени несколько раз подвергалась переделкам, но основной характер ее не менялся. Она давала подготовку молодым людям, желавшим поступить в одно из таких высших специальных заведений, где требовалось основательное знание математики. Курс сначала принят был трехгодичный, а затем двухгодичный. Ученики помещались в общежитии и пользовались значительными общественными субсидиями. Совместная жизнь сплачивала и порождала много общих житейских интересов. Ученики дружно боролись за право отлучек, дружно восставали против нелюбимых наставников и так далее. Но, кроме этих, так сказать, домашних дел, они принимали с самого основания школы деятельное участие в политических движениях своей страны. Поступая в школу, они клялись в преданности республике и в ненависти к абсолютизму. Когда роялисты выступили со своими происками, политехники в общей массе остались верны республиканскому духу. В то время подверглись исключению те, кто обнаружил неприязненное отношение к республике.

лике и принимал участие в роялистских возмущениях. Но это были единицы. Ученики отнеслись несочувственно к консульству Наполеона I, к его диктатуре и, наконец, к учреждению империи. Наполеон хотел было «подтянуть» школу, стал заводить там военные порядки, но научные и политические традиции оставались сильными и спасли школу. Во время вторжения союзников во Францию ученики составили особый отряд и сражались с врагами. При Бурбонах у них выходили частые столкновения с правительством, и школа снова подверглась реорганизации. Но особенно горячее участие принимали ученики в революции 1830 года. Школа была занята королевской гвардией. Тогда политехники отправились на баррикады и сражались здесь вместе с народом. Лафайет в особом приказе прославлял их подвиги; из разных мест Европы и Америки они получали приветствия; наконец, сам Луи Филипп хотел наградить их как защитников «свободы и отечества». Но это не соответствовало республиканским наклонностям политехников, и они отказались от награды. В 1848 году повторилось то же самое. Вообще техники принимали участие во всех внутренних переворотах и политических движениях Франции XIX века и всегда показывали себя ярыми республиканцами. Но мы ограничиваемся сказанным, так как полагаем, что для читателя уже с достаточной ясностью обрисовалась та политическая атмосфера, в которую попал шестнадцатилетний Огюст, к тому времени отречившийся от католически-абсолютистских верований своей семьи. Таким образом, его стремление к выработке нового миросозерцания получало полное удовлетворение с поступлением в Политехническую школу. Здесь он ревностно изучает математику и другие точные науки и таким образом вырабатывает навык правильно, методично мыслить и ограничивать поле своих размышлений только тем, что подлежит точному наблюдению и опыту. Кроме того, он приобретает массу научных знаний, которые будут необходимы ему для его философской энциклопедии. Но эти занятия не поглощают его всецело. У него остается немало времени, или он, во всяком случае, умеет найти время для чтения по вопросам литературным, философским, социальным. При этом его интересует преимущественно великое умственное и социальное движение XVIII века; он читает энциклопедистов: Адама Смита, Юма, Кондорсе; затем – де Местра, Бишá, Галля и других. Уже в этих чтениях он ищет разрешения основного вопроса, поставленного переворотом XVIII века: к какому новому положительному строю идет человечество? Юноша Конт, понятно, не мог решить этого вопроса; но он накапливал знания, необходимые для разрешения, – знания, которыми он, благодаря своей громадной памяти, пользовался впоследствии всю свою жизнь. Заботился ли Конт о систематическом чтении, мы не знаем, так как не встретили никаких указаний на этот счет в биографических материалах; но, несомненно, это было вдумчивое чтение, то есть чтение, которое должно было определить его положение среди людей и дела, которое он должен делать.

По-видимому, Огюст не знал юности, как она обыкновенно понимается; он не знал веселья, забав, развлечений, не знал горячего увлечения, страстных споров, возвышенных мечтаний. Нет, чем-то серьезным, холодным, *положительным* веяло от этого молодого политехника. Вечно серьезный, занятый своими мыслями, он резко выделялся среди товарищей и производил впечатление скорее зрелого человека. Его громадный ум при непреклонном характере угнетал всякое непосредственное проявление юной жизнерадостности. Но это нисколько не

мешало ему быть одним из самых задорных учеников и в распрах с начальством идти во главе других; поэтому он нередко подвергался взысканиям и лишался тех отличий, какие ему давало его умственное превосходство, признаваемое самими профессорами. Одно из таких столкновений оказалось роковым для него и его товарищей. Огюст был уже на втором курсе и должен был закончить школу. В это время на первом курсе вышла история из-за грубого обращения одного из репетиторов. Старшие вмешались и заступились за своих товарищей. Они потребовали удалить грубянина. «Как ни прискорбно, — заявляли они ему в письме, — принимать такую меру по отношению к старому учителю, но мы требуем, чтобы Вашей ноги не было больше здесь». Письмо было написано Контом, и его фамилия стояла первой под вышеприведенными словами. Правительство воспользовалось этим случаем (дело происходило в 1816 году), чтобы закрыть школу, которая уже страшно надоела своим вольнодумством и беспрестанными волнениями. Конт был препровожден на родину и отдан там под надзор полиции. Так плачевно закончились ученические годы Канта, и ему пришлось вступить в жизнь восемнадцатилетним «недоучкой», как сказали бы у нас поклонники дипломированного знания. Однако этот «недоучка» вскоре превратился в высокообразованного философа. Несчастье не смутило его. Он имел определенную цель и шел к ней тем путем, который казался ему кратчайшим при наличии известных условий. Но, скажут, карьера его была испорчена. Какая карьера? Во всяком случае, не та, которую делают великие независимые умы.

Нетрудно представить себе, как встретила Огюста родная семья, всецело погруженная в свои мещанские интересы, слегка прикрытые правоверным католицизмом. Вне семьи также не представлялось ничего утешительного. Там, в этом маленьком Монпелье, где каждому известна вся подноготная другого, строптивый юноша с обширнейшими планами в молодой голове и громадным самолюбием едва ли нашел бы себе дело даже при лучших условиях. Поэтому Огюст покидает Монпелье через несколько месяцев после своего невольного переселения туда и отправляется в Париж. Полиция не препятствовала ему, так как дело, за которое он был выслан, не носило политического характера. Но семья старалась всячески удержать его, и отец отказал ему в материальной поддержке. Таким образом, очутившись в Париже, Огюст должен был рассчитывать исключительно на себя, на свой ум и энергию. Недостатки и лишения не могли испугать его. Со свойственным ему упорством и прямотой он ставит свое «быть или не быть?» и возлагает все надежды на свою великую способность к труду.

В Париже Канту первым делом пришлось изыскивать средства к существованию. Ему помогли профессор Политехнической школы Пойнсо, заметивший необыкновенные дарования своего ученика еще на школьной скамье, и известный ученик Бленвиль. Оба они еще не раз протянут руку помощи нашему философи в его борьбе с цеховыми учеными и с его страшной болезнью. Теперь они прискали юноше частные уроки по математике. Обеспечив себе кое-какие скучные средства, Конт снова принял за чтение по физическим наукам, биологии, истории. Одно время ему улыбалось место профессора по аналитической математике в спроектированной по французскому образцу Политехнической школе в Соединенных Штатах. Но проект этот не получил осуществления. Затем он поступил домашним секретарем к богатому банкиру, видному члену парламента, а впоследствии министру, Казимиру Перье. Секретарство это продолжалось

только три недели: будущий философ и будущий министр слишком расходились в убеждениях, чтобы они могли сотрудничать в каком-либо деле; простым же наемником Конт не пожелал быть. Тем временем правительство допустило к выпускным испытаниям исключенных им раньше политехников и выдержавшим успешно экзамен дало, по обыкновению, разные места. Конт не держал экзамена и тем вторично отрезал себе обычный путь к обычной карьере.

Литtré следующим образом описывает умственное состояние Конта в это время:

«Вглядываясь в него, вы увидели бы молодого человека с чрезвычайно рано развитыми, чрезвычайно деятельными и чрезвычайно обширными способностями, вполне изучившего все неорганические науки (к биологическим наукам он перешел немного позже), сведущего по части исторических документов и желающего проникнуть далее в мир идей и спекулятивной политики. По общему духу, царившему в его семье, он должен был бы быть католиком и легитимистом, а на самом деле он был свободным мыслителем в религии и революционером в политике. Республиканский дух, сохранившийся еще в Политехнической школе, несмотря на деспотизм Наполеона и военного режима, не мешал развитию такого склада ума. Но индивидуальность его сказывалась пока только в той связности, которую он придавал усваиваемым доктринам. Конт является в эту пору просто одним из новобранцев под знаменем, поднятым другими руками, или, выражаясь точнее, под знаменем, поднятым руками XVIII века и революции. Если Конт должен был сделаться со временем тем, чем он был на самом деле, ему необходимо было выйти из этого состояния и перейти к другому порядку идей».

То есть от чисто отрицательных идей XVIII века Конт должен был перейти к тем положительным социальным идеям, которые составляют достояние XIX века. Такой поворотный момент в его развитии совпадает со знакомством с Сен-Симоном. Хотя впоследствии Конт считал за несчастье это свое знакомство, однако, едва ли можно отрицать, что близкое общение с Сен-Симоном оказало большое влияние на формирование его мировоззрения. Укажем вкратце на те мысли Сен-Симона, которые развивает впоследствии и Конт, только гораздо систематичнее и продуманнее.

Характерной особенностью науки Сен-Симон считает предсказывание. Он указывает на смену астрологов астрономами, алхимиков – химиками и на предстоящую смену метафизиков, моралистов и философов – физиологами как на замечательнейшие моменты в развитии человеческого духа. Он говорит о все-возрастающем значении физицизма (совокупности научных и положительных представлений относительно явлений) и упадке сверхъестественных представлений и превозносит Декарта за то, что тот вырвал скипетр мира из рук воображения и передал его в руки разума. Само выражение «позитивная философия» встречается впервые у Сен-Симона в 1808 году, то есть когда Конт был еще ребенком. Главной задачей науки и философии Сен-Симон считал преобразование общества, его морального, религиозного и политического строя иставил, таким образом, общественную реформаторскую деятельность в зависимость от научной системы. Все отрицательное, революционное, анархическое ему было противно. С этой точки зрения он осуждал протестантизм, считая его задержкой на пути развития положительной философии. Реформы, которые он предлагает,